

CVIII.

Она заплакала. Такъ, или нѣтъ
Изгнанница младая говорила,
И утверждать не смѣю; двухъ, трехъ лѣтъ
Достаточно губительная сила,
Чтобы святѣйшихъ словъ заглядить слѣдъ.
А тотъ, кто разсказалъ мнѣ повѣсть эту—
Его ужъ нѣтъ... Но что за нужда свѣту?
Не вѣры я ищу,—я не пророкъ,
Хоть и стремлюсь душою на Востокъ,
Гдѣ свиньи и вино такъ нынѣ рѣдки,
И гдѣ, какъ пишутъ, жили наши предки!

CIX.

Она замолкла, но не Саша: онъ
Билъ противъ отца негодованьемъ;
„Злодѣй! Тиранъ!“— и тысячу именъ,
Такихъ же милыхъ, съ истиннымъ вниманъ-
Онъ расточалъ ему. Но счастья сонъ, {емъ,
Какъ ни бранись, умчался невозвратно...
Уже готовъ былъ юноша развратный
Въ послѣдній разъ
.
. какъ вдругъ,—о, Провидѣнье!—

CX.

Ударъ ногою съ трескомъ растворилъ
Стекло двери обѣ половины
И ночника лучъ блѣдный озарилъ
Живой скелетъ вонючаго мужчины.
Казалось, въ страхѣ съ ложа онъ вскочилъ,—
Расстрепанъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ,—
Вошелъ и строго обратился къ Сашкѣ:
„Eh bien, monsieur, que vois-je?“ — Ah,
c'est vous!
„Pourquoi ce bruit? — Que faites vous
donc?“ — „.....“

И молвивъ такъ (пускай проститъ мнѣ муза),
Однимъ тузомъ онъ выгналъ вонъ француза.

CXI.

И вслѣдъ за нимъ, какъ лань кавказскихъ
Изъ комнаты пустилася бѣдняжка, [горь,
Не распростиая, но кинувъ нѣжный взоръ,
Закрывъ лицо руками.. Долго Сашка
Не могъ унять волненья сердца. „Вздоръ,—
Шепталъ онъ,—вздоръ: любовь—не жизнь!“

Но утро,

Подернувъ тучки блескомъ перламутра,
Ужъ начало заглядывать въ окно,
Какъ милый гость, ожидаемый давно,
А на дворѣ, унылый и докучный,
Раздался колокольчикъ однозвучный.

CXII.

Къ окну въ волненьи Саша подбѣжалъ:
Разгонныхъ тройка у крыльца большого.
Вотъ сѣлъ ямщикъ и возжи подобралъ;
Вотъ чей-то голосъ: „Что же, все готово?“—
„Готово“—Вотъ садится.. Онъ узналъ:
Она! Въ чепцѣ, платкомъ окутавъ шею,
Съ обычною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой

И спряталась въ кибитку. Бичъ лихой
Взвился. „Пошелъ!“... Колеса застучали
и въ мигъ... Но что намъ до чужой печали?

CXIII.

Давно-ль?.. Но дѣтство Саши протекло.
Я разсказалъ, что знать вамъ было нужно...
Онъ сталъ съ отцомъ браниться: не могло
И быть иначе—нѣжностью наружной
Обманывать онъ почиталъ за зло,
За низость,—но правдивой мести знаки
Онъ не щадилъ (хотя бѣ дошло до драки).
И потому родитель, расчитавъ,
Что укропять не стоитъ этого нравъ,
Сынка, рыдая, какъ мы все умѣемъ,
Послалъ въ Москву съ французомъ и лакеемъ.

CXIV.

И тамъ проказникъ былъ препорученъ
Старухѣ-теткѣ самыхъ строгихъ правилъ
Свѣтъ утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ
Ее красить ни разу не заставилъ.
Она была одна изъ тѣхъ княженъ,
Которыя, страшась святого брака,
Не смѣютъ дать рѣшительнаго знака,
И потому въ сомнѣннѣ ждуть да ждуть,
Погуда ихъ на вистъ не позовутъ;
Потѣмъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ,
За картами клеветуютъ и желтѣютъ.

CXV.

Но иногда какой-нибудь лакей,
Усердный, честный, вѣрный, осторожный.
Имѣя входъ къ владычицѣ своей
Во всякій часъ, съ покорностью возможной,
Въ уютной спальнѣ замѣняетъ ей
Служанку, то-есть грѣбеть одѣяло,
Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
Подъ мракомъ ночи дѣлается дѣло,
Которыхъ знать и чортъ бы не хотѣлъ..
И если бы хоть разъ онъ былъ свидѣтель,
Какъ сладко спитъ съдая добродѣтель!

CXVI.

Шалунъ былъ отданъ въ модный пансіонъ,
Гдѣ много приобрѣлъ прекрасныхъ правилъ.
Сначала пристрастился къ книгамъ онъ,
Но скоро ихъ съ презрѣніемъ оставилъ.
Онъ увидалъ, что дружба, какъ поклонъ—
Двусмысленная вещь; что добрый малый—
Товарищъ скучный, тигостный и вялый;
Что умный—и забавный и сносный,
Чѣмъ тысяча услужливыхъ друзей.
И потому (считая только явныхъ) [ныхъ;
Онъ нажилъ въ мѣсяцъ сто враговъ забав-

CXVII.

И списокъ ихъ, какъ памятникъ святой,
На двухъ листахъ, раскрашенныхъ отлично,
Носилъ всегда онъ въ книжкѣ записной,
Обвернутой атласомъ, какъ прилично,
Съ стальнымъ замкомъ и розовой каймой.
Любилъ онъ заговоры злобы тайной
Разстроить словомъ, будто бы случайно;
Любилъ враговъ внезапно удивлять,